

А началось все с Театра Юношеского Творчества (ТЮТа), существовавшего при Дворце Пионеров имени А.А. Жданова, которым руководил видный театральный педагог Матвей Григорьевич Дубровин.

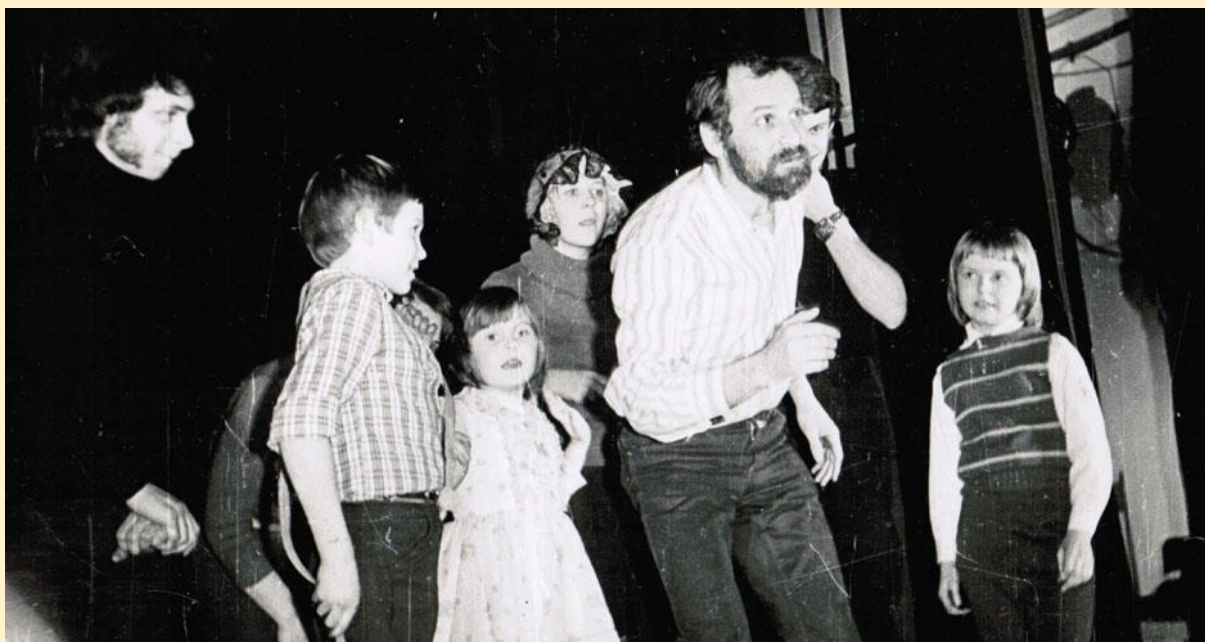

Это был не просто хороший театр - это было целое театрально-педагогическое направление в жизни страны, потому что принципы работы ТЮТа основывались на очень интересных вещах. Дело в том, что там дети не только играли - они обязательно осваивали одну из театральных профессий - монтировщика, осветителя, костюмера, гримера, бутафора и т.д. Короче говоря, действовал принцип самообслуживания и самоуправления.

В этой организации существовало «воспитание через театр». Очень многие становились актерами, режиссерами, театроведами, а многие - химиками, врачами, мастерами по дереву, то есть абсолютно любые профессии.

О.Мендельсон – выпускник ТЮТа. В 1973 году, закончив Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМИК) по классу народного артиста России, профессора З. Я. Корогодского, молодой режиссер был направлен на работу в Ставропольский драматический театр им. М. Ю. Лермонтова, а затем – в ТЮЗ в Ростов-на-Дону. Обстоятельства складываются таким образом, что после ухода из жизни Матвея Григорьевича Дубровина, который работал и в Юсуповском Дворце – Олега Мендельсона, его ученика, пригласили туда работать.

И вот, через какое-то время после прихода О.Мендельсона в Юсуповский Дворец, там образовался достаточно сильный театральный коллектив единомышленников, который создавал очень серьезные и интересные спектакли - в чём-то даже экспериментальные, революционные! - и, наверное, поэтому среди самодеятельных театров всегда занимал исключительно первые места...

Художественный руководитель театра О.Ю. Мендельсон:

- В 1978-1979 году под крышей Юсуповского дворца нам стало уже очень тесно, так как помещение этого уникального домашнего театра нам предоставляли только один раз в месяц, чтобы мы играли спектакли, а к тому времени было уже четыре наименования в репертуаре. Поэтому получалось: играть один спектакль и четыре месяца ждать. Это немислимо и никому не интересно - играть раз в год по обещаниям, что называется. Мы дрались, чтобы нам давали играть больше - четыре раза нам дали, но все равно получалось

так, что мы раз в месяц играли каждый спектакль. Потом у нас появились современные постановки, где был задействован зал, и нам говорили, что мы разрушаем музейные ценности. Мы, конечно, не разрушали, но была такая опасность - ведь бегать по залу с позолотой, где каждое кресло стоит безумно дорого... Мы мечтали уйти куда-нибудь, в любой подвал, лишь бы обрести самостоятельность - мы мечтали о профессиональном театре.

